

Речи о достоинстве человека

На примере книги Петера Бири «Жизненный выбор»

Обложка книги «Жизненный выбор»

17:09, 22 июля 2024,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Сегодня в рубрике «Читали, знаем» мы вспомним книгу, которая посвящена размышлениям об одном очень консервативном понятии. В России она вышла в 2018 году, но, как кажется, особенно выразительно звучит именно сегодня. Я говорю о «Жизненном выборе» швейцарца Петера Бири — эссе, в котором он рассуждает о человеческом достоинстве.

Рассуждения о нем особенно выразительно звучат для нас сейчас, потому что главное, чего планомерно и последовательно лишают жителей России, — это именно человеческое достоинство. Не гражданские права — хотя их мы все оказались лишены в первую очередь. Даже не права человека — хотя многие лишены и их. Не чувство безопасности, не спокойствие, не планы на будущее — хотя и этого всего тоже нет. Главное, что у нас отнимают — это чувство собственного достоинства, и Петер Бири, ничего такого в виду, конечно, не имевший, в своей книге очень наглядно показывает, как именно это происходит.

Бири не дает единого четкого определения понятию достоинства. По сути, вся книга — это и есть попытка дать ему определение. Бири перечисляет множество ситуаций и более узких понятий, в которых человеческое достоинство проявляется или с которыми оно связано. Например, оно тесно связано с самостоятельностью: чувство собственного достоинства ощущается тогда, когда человек способен сам решать, кем быть, чего хотеть, что планировать, каких взглядов придерживаться. Право на самостоятельность — всегда признание зрелости личности, и если вместо заслуженной самостоятельности эта личность вдруг получает государство, которое в порыве гиперопеки пытается контролировать каждый ее шаг, каждую ее мысль, личность чувствует одно: унижение.

Сегодняшняя цензура, которой, согласно Конституции, нет и быть не может, стремится проникнуть везде: от голов до постелей.

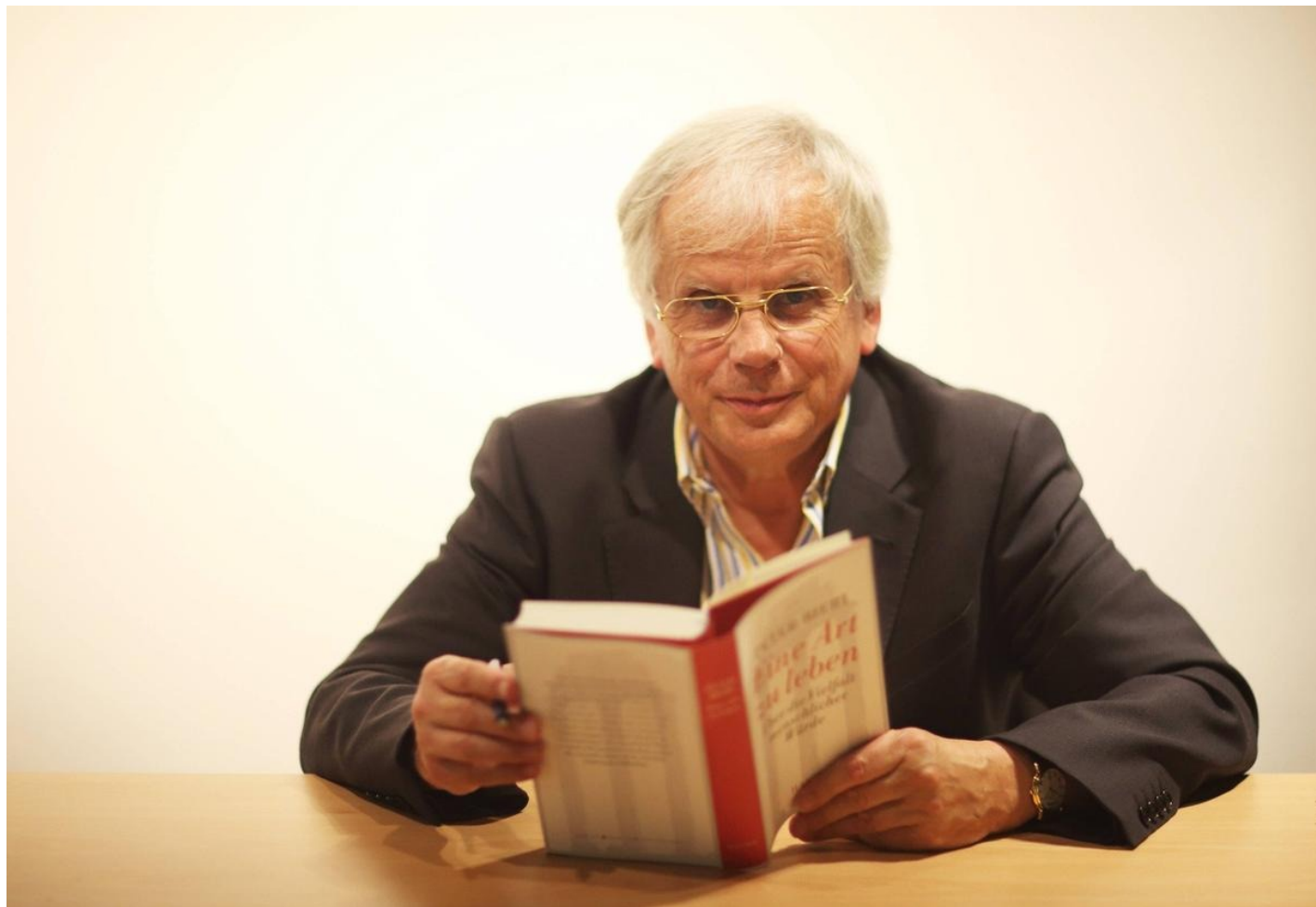
Удастся ей это то с большим, то — чаще — с меньшим успехом, но важна здесь оказывается не столько эффективность, сколько сам факт ее присутствия: это заставляет людей привыкать к тому, что все решается за них и вместо них, это делает страну инфантильной.

При этом способность принимать решения — тоже составляющая чувства собственного достоинства, и связана она не только с самостоятельностью, но и с возможностью представлять себе свое будущее. Когда у нас отняли эту возможность, все знают с точностью до дня, и теперь сложно представить человека, у которого горизонт планирования длиннее, чем пара месяцев. Мы вынуждены жить одним днем и, как говорится, одеваться по погоде: выглядываешь в окно, смотришь, что там сегодня на улице, прикидываешь, что можно сказать и сделать за день при условии, если завтрашнего дня может вдруг не стать, — и уже тогда начинаешь жить жизнь. К этому режиму можно привыкнуть, но он убивает главное: чувство самостоятельности, независимости, потому что то, как ты встретишь не только новое десятилетие, не только следующий день, но и наступающий вечер, зависит не от тебя.

Чувство собственного достоинства, по Бири, состоит и из возможности думать, а возможность думать — из возможности сомневаться. Бири пишет:

«Субъекта характеризует то, что он может ставить под сомнение самого себя, а не продолжать жить как ни в чем не бывало,

словно управляемый извне».

Петер Бири. Фото: imagostock&people

Сомнение — такое чувство, которое подразумевает сложность: взвешивание всех «за» и «против», достоинств и недостатков, всех вариантов развития событий. Короче говоря, сомнению противопоказаны навязанные простые решения, противопоказана черно-белая картина мира. То, чем занимается сейчас пропаганда, — это как раз ампутация нашей возможности сомневаться, в том числе в собственной правоте и в правоте страны, которую считаем родиной (и в возможности считать ее родиной вообще). Уплотнение и упрощение реальности, четкое деление на «своих» и «врагов», и все это на фоне любимого нарратива о народе-победителе, полное исключение и запрет альтернативной точки зрения — все это отключает возможность думать самостоятельно, то есть, опять

же, делает аудиторию инфантильной, потому что снимает с нее ответственность сомнения, ответственность личного морального выбора. При этом лишается человеческого достоинства и та часть аудитории, которая самостоятельно отдала возможность думать, и та, у которой эту возможность отобрали насильно, — обе части лишаются права на собственную точку зрения, права на сомнение. Как теперь принято говорить, «теряют субъектность» — становятся не целью, а средством, не людьми, а народом.

Субъектность утрачивается не только тогда, когда отнимается возможность думать, — но и когда включается механизм типизации. Бири приводит здесь в пример ситуацию, когда он приехал поговорить с начальником одной из тюрем, и тюремщик, проводя его по коридору, тыкал пальцем в двери камер и объяснял: здесь маньяки, здесь наркоторговцы, здесь воры. То есть место конкретных людей начинали занимать их приговоры, раз и навсегда наклеенные ярлыки — как будто у арестантов больше не было и не будет никогда возможности измениться. То, что делает сейчас государство, наклеивая десятки разных ярлыков и деля людей на десятки разных категорий — иноагенты, экстремисты, нежелательные, враги, нацисты и т.д., — в точности повторяет жест тюремщика, который водил мимо камер Петера Бири. И уже неважно, как относятся к своим ярлыкам сами «классифицированные» и как относятся к этому их аудитория: понятное дело, что те, кто их годами читает и слушает, кто им доверяет, будет это делать хоть с плашкой иноагента, хоть без нее, хоть через VPN, хоть без.

Но дело здесь, опять же, не в эффективности, а в самом факте классификации: смысл ее в расчеловечивании, в том, чтобы личность заменить категорией.

То же самое происходит с двумя «классами», в которые люди попадают не номинально, а фактически: с солдатами и политзаключенными. Бири пишет об этом так:

«Так же и у солдат на войне крадут достоинство. Их посылают на фронт, зная, что они будут не чем иным, как пушечным мясом, щитами от пуль, которые бегут, падают и погибают, чтобы другим, стоящим за ними, было легче идти в атаку».

Помимо того, с каким унижением приходится сталкиваться солдатам и политзаключенным физически, унижает их достоинство и сама принадлежность к обеим категориям — и если престиж солдатской службы пропаганда поднимает всеми силами, то быть зэком в России престижно не было никогда и ни при какой власти.

И тем не менее огромному количеству политических заключенных придется всю оставшуюся жизнь мириться с тем клеймом, которое на них поставили. С этим связан и еще один способ лишения человеческого достоинства, тоже широко применяемый: Бири формулирует его как лишение возможности понять свое положение. Иллюстрирует он это сценой из «Процесса» Кафки, в которой главный герой пытается разобраться, за что его арестовали, что теперь будет и кто вообще за ним пришел. Ни на один из этих вопросов Йозеф К. ответа не получает — и чувствует унижение. Ровно в этом положении оказывается сейчас большая часть оставшихся: в условиях, когда сроки дают за наклеенные ценники и поставленные спектакли, никто не знает, кто окажется на месте Йозефа К. следующим. В этой ситуации унижает не страх, а именно гротескность и абсурдность ситуации. Никто не знает, что можно, что нельзя, не работают никакие нормы, правила и законы — иначе говоря, никто не может понять своего положения, и это унижает сильнее систематического страха.

Когда утрачивается субъектность, утрачивается и самоуважение — наверное, основной компонент чувства собственного достоинства. При этом потерю самоуважения провоцируют не только действия, но и бездействие.

Люди, которые раньше заполняли площади и проспекты и хотя бы этим высказывали свое мнение, теперь вынуждены молча наблюдать за тем, как их жизнь живет без их участия. Позиция заложника с кляпом во рту провоцирует чувство бессилия, чувство бессилия — чувство стыда, чувство стыда — потерю чувства собственного достоинства. «Стыд уничтожает

деятельное настоящее», — говорит в книге Петер Бири, имея в виду, что стыд парализует. Для человека не всегда важно, приведет ли его открытое высказывание к реальным результатам, но само это открытое высказывание необходимо для того, чтобы ему было не стыдно смотреть на себя в зеркало. Сейчас возможности спокойно смотреться в зеркало лишены сотни людей, которых заставили либо молчать, либо приспособливаться, то есть лишили способности быть правдивыми с самим собой, вслух называть вещи своими именами, и все эти люди живут в постоянном состоянии унижения. Добавим к этому пресловутое чувство коллективной вины — которое хотя и не все разделяют, но которое все равно существует и нагнетается, — и попробуем после этого прикинуть, сколько человеческого достоинства останется у счастливого обладателя полного набора всех этих чувств.

Еще Бири называет такой фактор потери собственного достоинства, как дистанцирование. Он имеет в виду ситуацию, когда человек, с которым раньше отношения были достаточно близкими, внезапно начинает отдаляться, перестает реагировать на вопросы, мнение, чувства другого, превращает этого другого в пустое место. В этом смысле с потерей достоинства в стране тоже все в порядке: ничто не унижает так, как абсолютная физическая невозможность докричаться до находящихся по ту сторону пропаганды родственников, друзей, знакомых. Чувство абсолютно глухой железобетонной стены вместо людей, от которой отскакивают любые доводы и слова, — вот, наверное, самое значительное достижение государственной пропаганды на сегодняшний день.

Наконец, последнее:

одним из важнейших компонентов чувства собственного достоинства Бири называет

понимание смысла своей жизни. Чтобы себя уважать, человек должен знать, зачем он живет.

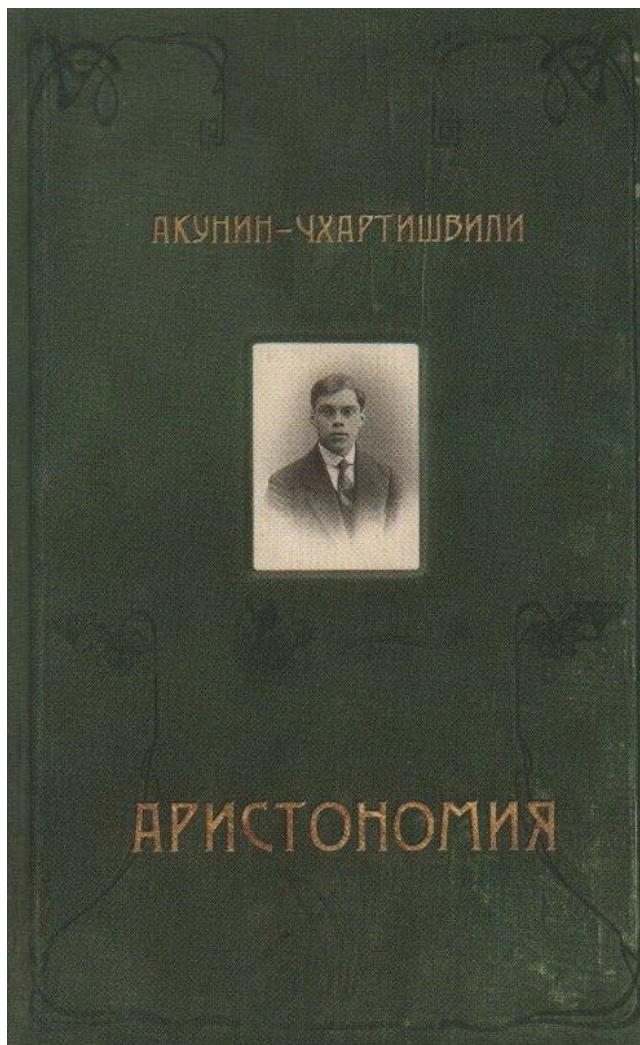

Фото: Антон Новодережкин / Коммерсантъ

Сегодня благополучно ликвидирован и этот фактор: смыслом любой жизни официально назначена смерть. Но такой простой ответ на вечный вопрос создает одну проблему: если смысл и цель жизни в том, чтобы человек как можно быстрее умер за родину, то этим дискредитируется все, что он успел сделать или мог бы сделать, если бы нашел себе другую цель и другой смысл. И сама невозможность существования этой альтернативы убивает чувство собственного достоинства в каждом, кто хотел бы жить ради жизни, а не ради смерти.

Все это пространное рассуждение о достоинстве сводится, в принципе, к одной мысли:

очевидно, что последние годы ведется полномасштабная операция по лишению людей человеческого достоинства.

Обложка книги «Аристономия»

У этой операции есть одно пугающее последствие, которое сформулировал уже не Петер Бири, а Борис Акунин*. Свою первую «серьезную», а не беллетристическую книгу — трактат «Аристономия» — он полностью посвятил размышлениям о человеческом достоинстве (его термин «аристономия» как раз и является понятием, очень близким к понятию достоинства — с разными оговорками, в которые мы сейчас уходить не будем). В этой книге он писал, что усиление ЧСД (чувства собственного достоинства) в людях — это признак человеческой эволюции и единственный фактор, который может сделать страну

процветающей. В этом смысле операции по ампутации ЧСД, которые на протяжении всей истории в нашей стране проводятся регулярно, не просто деморализуют конкретное поколение — они убивают будущее. Акунин неоднократно писал, что до тех пор, пока каждый конкретный представитель «народа» не научится себя уважать, выстраивать границы «можно» и «нельзя», отстаивать свои права, — Россия прекрасной не станет. И поэтому все то, что происходит сейчас, страшно не только очевидными страхами, но и тем, что сводит на нет годы воспитания в людях личностей.

Надеяться на то, что условия для воспитания себя когда-то будут более благоприятными, видимо, не следует. И поэтому единственный выход, который высчитывается и из книги Бири, и из книг Акунина, — нужно прикладывать все силы для того, чтобы сохранять человеческое достоинство в любых, даже самых неприспособленных для этого условиях. Особенно в них.

ЦИТАТА:

«История, случившаяся с Йозефом К., это рассказ о бессилии. И поскольку бессилие насаждается другими целенаправленно и они дают Йозефу К. почувствовать его и в досталь отведать, К. замечает, что они наслаждаются его бессилием, — это история унижения. Бессилие состоит не в том, что для других он пустое место, и не в том, что другие говорят о К., вместо того чтобы обращаться к нему самому. <...> Это совсем новый опыт, совсем новое ощущение: быть униженным тем, что у тебя нет никаких шансов понять собственное положение.

«Кто же такие были эти люди? О чем они говорили? Какое ведомство они представляли? Ведь К. жил в правовом государстве, всюду царил мир, соблюдались законы, кто же посмел напасть на него в его собственном жилище?» Как человек, желающий знать и понимать, в каком положении он находится; желающий услышать причины того, что с ним делают, К. требует от вторгшихся ответа: «Кто меня обвиняет? Какое ведомство ведет дело? Вы чиновники? На вас же нет формы». Унизительный кошмар заключается в том, что на такие вопросы К. никогда не получает ответа. Но и это не все. Ощущение бессилия продолжается, поскольку сведения, которые он добывает, противоречат всем правилам смысла и значения. «Вы всего-навсего взяты под стражу, ничего больше», — говорят ему и сопровождают это злое сообщение замечанием, что вообще-то здесь нет оснований впадать в отчаяние. Но тревожащие несоответствия продолжают. «Вероятно, вы захотите сейчас отправиться в банк?» — «В банк? — переспросил К. — Но я думал, что меня взяли под стражу! Как же я могу пойти в банк, раз я взят под стражу?» «Вот оно что! — сказал инспектор. — Вы меня не поняли. Да, конечно, вы взяты под стражу, но это не должно быть помехой для выполнения вашей работы. И вообще, вам не возбраняется придерживаться обычного образа жизни».

* Правительство РФ считает «иноагентом».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Мышиная охота](#)

О том, как и за что изымают из продажи очередную книгу Freedom Letters – на этот раз «Мышь»

17:00, 13 июля 2024, Виктория Артемьева